

Дружинина Е.

УДК 008

АРХЕТИП КАК ТРАНСЛЯТОР КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Проблема архетипа сегодня обладает особой актуальностью, и это связано прежде всего с основными тенденциями развития современного общества в целом. Древние верования уступают место научным абстракциям. Образы Великой Матери и Духа были заменены понятиями материи и интеллекта. Карл Густав Юнг, как и многие другие учёные и философы XX века, обратил внимание на процесс потери миром и обществом свойственной ему некогда человечности. Причиной этого процесса он считал потерю связи между человеком и природой, контакта между человеческими первичными инстинктами и сознанием.

Карл Юнг писал: «По мере развития наук наш мир становится менее человечным. Человек ощущает себя изолированным в космосе, поскольку его связи с природой разорваны, а эмоциональное «подсознательное единение» с явлениями природы утеряно. Последние постепенно утратили свое символическое значение. [...] Нет больше связи с природой, нет и той глубоко эмоциональной энергии, возникавшей от этого символического единения. Эта колоссальная потеря компенсируется образами, приходящими к нам в сновидениях. Они воссоздают нашу первозданную природу, ее инстинкты и особый образ мышления. К сожалению, они говорят на языке природы, странном и непонятном для нас, что ставит нас в необходимость перевода этого языка в рациональные слова и понятия, присущие современной речи, свободной от такой дикарской «обузы», как мистическое единение с описываемым предметом» [1; с. 93].

Карл Юнг считал, что эпоха, в которой он живет, – это эпоха изучения окружающего мира, а сущность человека остается мало изученной. Казалось бы, функции сознательной жизни человека изучаются с разных сторон и в разных измерениях. «Однако самая сложная и неизвестная часть души, где рождаются символы, все еще, в сущности, не исследована» [1; с. 103]. Единственная связь, сохранившаяся, по его мнению, между человеком и природой, – это архетипы коллективного бессознательного. Но рассудочная индустриально-техническая цивилизация заставляет человека забыть свои корни: душа закалилась в догматическом богословии, религия оторвалась от жизненного опыта, и это привело к противоречиям между наукой и религией. С. Аверинцев называл Юнга романтиком, потому что тот считал необходимым найти такую область, где наука и религия не опровергают друг друга, а помогают друг другу в поисках первоисточника всех смыслов.

Уже в творчестве самого Юнга архетип приобретает характер культурного явления. Психологического понятия архетипа недостаточно для раскрытия и объяснения процессов и явлений культуры. Архетипы начинают восприниматься как архаические элементы в коллективном бессознательном человека. Они присущи каждому человеку и проявляются в сновидениях, продуктах фантазии, творчества, в искусстве, мифологии. Проблема архетипа весьма актуальна, поскольку именно с помощью этого понятия принято теперь объяснять мотивировку человеческих действий, многие проблемы в сознании и поведении человека, а также интерпретировать образы и символы, используемые в мифологии и в искусстве.

Однако, как известно, культура является динамически развивающейся системой. Человек воздействует на окружающую его природу. Меняются условия человеческого существования. Человечество вырабатывает новые понятия, формирует новые ценности, создаёт для их выражения новые образы и символы. Культурология имеет дело с постоянно развивающимся человеческим сознанием.

Одной из важных функций культуры является трансляционная. Для начала необходимо заметить, что все функции культуры, по сути, являются социальными, то есть они напрямую связаны с коллективной жизнедеятельностью человека, его существованием в рамках социального окружения. В современной литературе приходится сталкиваться чаще с определением информационной функции культуры, нежели трансляционной. Культура обеспечивает и включает в себя один из самых важных моментов человеческого развития. Речь идет о культурной преемственности, которая выражается в накоплении, систематизации и хранении информации, коллективного и индивидуального опыта, его трансляции, или передачи, от поколения к поколению. Говоря об индивидуальном и коллективном опыте, мы имеем в виду не только навыки, знания и умения, передаваемые в процессе воспитания, образования, социализации и инкультурации, но также наследуемые традиции, нормы, ценности.

Таким образом, культура и общество тесно взаимосвязаны, но эта взаимосвязь осуществляется через человека, который является творцом культуры и её исполнителем. Если подробнее рассматривать соотношение «культура – человек», то можно прийти к выводу, что индивид является, во-первых, «производителем» культуры. Материальная, духовная и поведенческая ветви культуры представляют собой продукт творческой самореализации человека в самых разных сферах жизнедеятельности. Во-вторых, человек является «продуктом» культуры, поскольку с самого рождения он приучается к нормам и ценностям своей культуры, перенимает опыт, технологии деятельности и осваивает правила взаимодействия с другими людьми. Всё это осуществляется в процессе социализации и инкультурации. В-третьих, человек выступает «потребителем» культуры, используя полученный опыт и знания в процессе своей деятельности, языки и символы для коммуникации и т. д. Но наряду с перечисленными выше ролями, человек еще является и транслятором, поскольку он, воспроизводя традиции, опыт, знания в своей практической деятельности, передает информацию другим поколениям и сохраняет культуру для них.

Объединяя в себе природное и культурное начала (а последнее включает в себя и общественное), человек транслирует весь полученный опыт и знания другим (людям, социумам, поколениям). Ученые не сомневаются в том, что специфическим свойством культуры является генетическая ненаследуемость социального опыта, культурная трансмиссия осуществима только путем обучения и подражания.

Ю. М. Лотман, говоря о символической и коммуникационной природе культуры, определил её как «негенетическую» память коллектива. Но при этом не следует забывать, что человек – существо ещё и природное. Генетические структуры, которыми природа наделила человека, несут объективный, не зависящий от самого индивида характер. Речь идет не только об инстинктах. Представители школы аналитической психологии, вслед за своим учителем К. Г. Юнгом, заявляют, что в психике человека присутствуют архетипы – «первичные схемы образов, воспроизводимые бессознательно и априорно формирующие активность воображения, а потому выявляющиеся в мифах и верованиях, в произведениях литературы и искусства, в снах и бредовых фантазиях» [2; с. 110-111].

Согласно теории швейцарского психиатра, архетип возникает на базе инстинктов. Юнг определяет инстинкты как «физиологические побуждения», которые проявляются в фантазиях и снах посредством символических образов. Собственно говоря, эти проявления он и называет архетипами. В основе любого инстинкта лежат безусловные рефлексы. Но инстинкт не сводится к простой сумме этих рефлексов. Особенностью инстинктивного поведения, которая отличает его от более высоких форм поведения, является «мотивация», обусловленная изменениями в физиологии организма. К. Юнг отмечает символический характер инстинктивного поведения: «К счастью, мы не утратили эти основные инстинктивные слои; они остались частью бессознательного, хотя и могут выражать себя лишь в форме образов сна. Эти инстинктивные явления – их, между прочим, не всегда можно признать за таковые, поскольку они несут символический характер, – играют жизненно важную роль в том, что я назвал компенсаторной ролью снов» [3; с. 48].

Анализируя взаимосвязь «архетипа» и «инстинкта», можно заметить, что эти два понятия имеют общие особенности. Во-первых, это бессознательность воспроизведения: архетипы всплывают в наших снах, фантазиях и идеях независимо от нашей воли и сознания, а инстинкты – автоматические реакции организма. Во-вторых, это наследственный характер. Инстинкты составляют своеобразный генетический фон, благодаря которому организм способен к выживанию и продолжению рода. Юнг сделал понятие «архетипа» центральным в вопросе коллективного бессознательного, тем самым подчеркивая историческую обусловленность и наследственность архетипов. Если проявления инстинктов человека в сновидениях и фантазиях считать архетипами, то можно прийти к выводу, что архетип – это результат инстинктивной деятельности сознания, свойственной человеческой биологической природе (всем животным свойственно инстинктивное поведение), то есть архетип – это явление больше биологическое, чем культурное.

Сравнивая виды архетипов, выведенных Юнгом, с видами инстинктов, нельзя отрицать, что архетипы действительно несут на себе их отпечаток. Например, архетип матери связан с родительским инстинктом и инстинктом продолжения рода, архетип самости – с самоутверждением, анима/анимус – агрессивностью, тень – с бегством и т. д. Юнг часто обращается к эмоциональной окраске архетипов, тем самым показывая их близость к инстинктам. Эмоции, понимаемые им как аффекты, влияют на уровень отношений между людьми, понижая его и приближая к инстинктивной основе. В итоге ученый приходит к выводу, что архетипы оказывают воздействие на человеческие ощущения посредством тесно связанных между собой образа и эмоции: «Если один из этих элементов отсутствует, значит, нет и архетипа. Один только образ сам по себе – это лишь слово-изображение, мало что значащее. Будучи же заряжен эмоциями, образ приобретает трепетность (или психическую энергию), динамизм, значимость» [1; с. 95].

Схемы первообразов, несомненно, порождены инстинктивным поведением человека, но не только. Нельзя не учитывать культурный фон, сопровождающий формирование подобных структур. В процессе своего культурного развития человек создаёт целые системы ценностей, норм, правил. Все начинается с того, что возникают системы, обозначающие покровительства и запреты. Речь идет о категориях сакрального и табу. Архетипы являются проявлением бессознательного и его частью, но следует подчеркнуть – коллективного бессознательного. Это своеобразная память поколений. В связи с этим будет уместным обратиться к понятию «культурного архетипа», которое уже принято в научном обиходе; его определения уже помещены в некоторые энциклопедии. Культурные архетипы – это «базисные элементы культуры, формирующие константные модели духовной жизни. Содержание культурных архетипов составляет типическое в культуре, и в этом отношении культурные архетипы объективны и трансперсональны. Формирование культурного архетипа происходит на уровне культуры всего человечества и культуры крупных исторических общностей в процессе систематизации и схематизации культурного опыта» [7; с. 38].

В разнообразии культурных архетипов можно выделить две наиболее фундаментальные их формы. Это универсальные культурные архетипы и этнокультурные архетипы. К универсальным можно отнести архетипы укрощенного огня, хаоса, творения, брачного союза мужского и женского начал и др., в которых запечатлены общие базисные структуры человеческого существования. Этнокультурные архетипы выражают и закрепляют основополагающие свойства этноса как культурной целостности и во многом определяют особенности мировоззрения, характера, художественного творчества и исторической судьбы народа. В них представлен коллективный опыт народа, который рассматривается как результат превращения этнической истории в базовые модели этнического культурного опыта. Для каждой национальной культуры характерны свои доминирующие константы национальной духовности. К. Юнг говорил об архетипическом образе Вотана, который является характеристикой немецкой души. Русские этнокультурные архетипы, по мнению некоторых исследователей, ориентированы на потаённую святость,

выраженную в образе фольклорного Иисуса, а также такие первичные образования русской духовности, как «отзывчивость» или «открытость».

Но стоит заметить, что образ Иисуса имеет общеевропейское и мировое значение как проявление архетипа спасителя и учителя. Современное же культурное сознание более склонно осознавать в этом образе проявление архетипа учителя. Этот архетип активизируется в каждом человеке в определенные моменты его жизни и напрямую связан с трансляционной функцией, о которой было сказано выше.

Фигура Иисуса Христа является наиболее значимым образом мировой культуры, самым ярким воплощением архетипа учителя. В книге доктора Эдварда Эдингера «Христианский архетип (юнгианское исследование жизни Христа)» мы встречаем весьма интересную трактовку образа Христа и Иуды: «Иуда предает, то есть передает, Иисуса в руки фарисеев во главе с первосвященником. Он хочет совершить акт передачи Иисуса от одной референтной или квази-референтной группы – другой. Говоря на психологическом языке, совершить акт переноса. <...> Так что же переносится и куда? Образ Христа как позитивная идеализированная проекция «учителя нового типа» переносится (предается) «патриархальным учителям», книжникам и фарисеям, которые после суда (осмысления) казнят Иисуса, то есть избавляются от этой позитивной проекции-образа» [4].

Таким образом, фигура Христа понимается ученым не просто как архетипический образ учителя, но как «проекция учителя нового типа». Процесс внедрения чего-то нового в укоренившееся старое часто происходит «болезненно», но этот процесс неизбежен: только благодаря новациям культура может развиваться дальше, при условии сохранения традиций. Такая актуализация архетипа учителя, с одной стороны, подготовлена и тысячелетиями общего развития культуры и начавшимся с Нового времени осознанием трудностей и проблем осуществления её прогресса. С другой же стороны, именно теперь вопрос о том, что именно будет передаваться и какими способами должна совершаться трансляция культуры, по-новому освещает и роль учителя на всех уровнях понимания этой фигуры.

Мотивы страдательности и героизма спасителя теперь получают осмысление в свете механизмов социокультурных процессов трансляции культурных идей. Это начало можно признать изначально присутствующим в истории Христа, но перестановка акцентов обусловлена временем. Когда сто лет назад Ахматова писала: «Иди один и исцеляй слепых, / Чтобы узнать в тяжёлый час сомненья / Учеников злорадное глумленье / И недоверие толпы», – то мотивы страдательности и героизма доминировали безусловно. Сейчас понимание необходимости обеспечения успешного выполнения учителем трансляционной функции культуры побуждает к извлечению из этого же архетипа оснований для преодоления страдательности. Роль учителя не принижается, а ещё более возрастает, но актуализируется понимание роли референтных групп, воздействующих на культурные коммуникации.

Культурология – новая наука, у которой большое будущее. Но это будущее зависит от специалистов, которых мы выпускаем. Учитель способствует развитию культуры, транслируя опыт молодому поколению, но его роль заключается еще и в том, чтобы научить это новое поколение творить, то есть обеспечивать поступление новаций в свою культуру. Это возможно, если существуют условия для реализации творческих идей студентов на занятиях и семинарах. Такого рода творческие занятия на кафедре культурологии ТНУ способствуют качественному усвоению знаний (традиций) и активизации творческой энергии студентов. И действительно: воспроизведение, к примеру, обычаев разных народов, проживающих в Крыму, или обрядов, совершавшихся в разные эпохи, позволяет теоретическому материалу быть успешно освоенным на практике. Студенты получают не только знания, но еще и опыт импровизации. Проблемное освещение культурных проблем при этом конкретизируется. А игровое начало, присутствующее в подобных театрализациях, способствует еще и тому, что студент, примеряя на себя различные роли, может найти и понять себя. Игра также способствует активизации архетипов. К. Г. Юнг говорил об утраченной связи между природным и сознательным в человеке, что, несомненно, не может не отразиться на психике человека. Подавление инстинктов и желаний, продиктованных нашей природой, играет далеко не положительную роль в формировании личности, откладываясь в подсознании в виде «заноз». Единственным способом устранения этих «заноз» является прямое столкновение с архетипами и осознание смысла, который они несут, информации, которую наше подсознание в них закодировало. И именно искусство является сферой, где эти структуры коллективного бессознательного легко проявляются.

Проблема архетипа остается до сих пор открытой. Несомненно, Карл Юнг, сформулировав теорию архетипа, подвел науку к новому пониманию личности, человека и культуры. «Современный человек на самом деле – это курьезная смесь характерных черт, приобретенных на разных стадиях многовекового процесса умственного развития» [1; с. 93-94]. Архетипы выполняют функцию спонтанно действующих устойчивых структур обработки, хранения и репрезентации коллективного опыта. Тем самым они обеспечивают преемственность и единство общекультурного развития. Актуализация архетипа, в том числе этнокультурного, должна рассматриваться в рамках исторического контекста. Архетип, определяясь как первообраз, связан с пространством исторического сознания, существующего в неразрывной связи прошлого и настоящего. Согласно Юнгу, актуализация архетипа – это «шаг в прошлое», возвращение к архаическим качествам духовности, но в то же время архетип нужно рассматривать как проекцию в будущее, ибо этнокультурные архетипы выражают не только опыт прошлого, но и ожидание будущего, мечту народа. Активное присутствие этнокультурных архетипов является важным условием сохранения самобытности и целостности национальной культуры.

Источники и литература:

1. Человек и его символы / К. Г. Юнг, М.-Л. фон Франц, Дж. Л. Хендерсон, И. Якоби, А. Яффе; под общ. ред. С. Н. Сиренко; [пер. с англ.]. – М. : Серебряные нити, 1998. – 368 с.
2. Мифы народов мира : энциклопедия : в 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев. – М. : Советская Энциклопедия, 1980. – Т. 1 : А – К. – 672 с.
3. Юнг К. Г. Архетип и символ / К. Г. Юнг; сост., вступ. ст. А. М. Руткевича. – М. : Ренессанс, 1991. – 304 с. – (Страницы мировой философии).
4. Эдинггер Э. Христианский архетип (юнгианское исследование жизни Христа) : [Электронный ресурс] / Э. Эдинггер. – Режим доступа : <http://www.jungland.ru/node/1187>
5. Юнг К. Г. Проблема души нашего времени / К. Г. Юнг; [пер. с англ.]. – М. : Прогресс, 1994. – 329 с.
6. Юнг К. Г. Душа и миф: Шесть архетипов / К. Г. Юнг; пер. с англ. А. А. Юдина. – К. : Гос. библиотека Украина для юношества, 1996. – 384 с.
7. Культурология: XX век : словарь / отв. ред. Л. Т. Мильская. – СПб. : Университетская книга, 1998. – Т. 1. – 447 с.

Жердева А.М.**УДК 008:130.2:398.22****ПРИНЦИПЫ СОБИРАНИЯ И ИЗДАНИЯ ЛЕГЕНД КРЫМА**

Крымские легенды – исторически сложившийся корпус текстов, обладающий неповторимым своеобразием.

Необходимость собирания и издания крымских легенд связана с недостаточной изученностью легенды как культурного явления. Понятие «легенды Крыма» включает в себя разные по происхождению типы текстов. Под названием «легенды Крыма» издатели печатают и волшебные сказки, и сюжеты античной мифологии. Поэтому анализ тех из них, которые наиболее бесспорно могут считаться легендами, представляет интерес для дальнейшего теоретического осмысления жанра легенды.

Определение жанра легенды – один из сложных дискуссионных вопросов как в русской [Пропп 1998], так и в западной фольклористике [Degh 2001]. Однако в цели данной работы не входило исследование жанра в строгом его определении, так как эта проблема уже рассматривалась нами ранее [Жердева 2007]. Нашей задачей было рассмотрение истории сбора и издания легенд в Крыму.

Собирание и издание крымских легенд. Предыстория.

Сбирать и издавать крымские легенды начали ещё до революции, в конце XIX века. Крымский историк и этнограф Василий Христофорович **Кондараки** (1834–1886) был одним из первых собирателей и издателей крымских легенд. Будучи чиновником, он занимал должность, которая позволяла ему много путешествовать по Крыму, общаться с местным населением. Хорошее знание крымскотатарского языка позволяло ему собирать крымский фольклор в течение почти всей жизни в Крыму. Кондараки писал, что он «тщательно записывал все полумифические предания, легенды, сказки, относящиеся к этой стране, сначала из любопытства, а потом с целью извлечь из них дополнения и разъяснения исторических событий» [Цит. по Непомнящий [http](http://)]. «В. Х. Кондараки понимал фольклор не как пережиток старины, не как застывшую и воспроизводимую механически традицию прошлого, а как живое индивидуальное творчество, развивающееся в рамках народного коллектива. Именно взгляд на местный фольклор как на явление современной народной жизни, живое и развивающееся, и явился причиной столь страстного изучения им устного творчества народов Крыма» [Непомнящий [http](http://)]. Интересно, что Кондараки был уверен, что способностью собирать легенды обладают очень немногие, потому что для этого необходимо овладеть «особенностями народных легенд, познание которых доступно только лицам, практически знакомым с местными наречиями и искусством выманить их у восточных народов» [Цит. по Непомнящий [http](http://)].

Сначала Кондараки печатал отдельные легенды в газетах («Николаевский вестник», «Северная звезда»). В 1875 году он издал «Универсальное описание Крыма» в 17 частях, где приводились тексты легенд [Кондараки 1875], а в 1883 отдельную книгу «Легенды Крыма» [Кондараки 1883], в состав которой входили 32 легенды.

Известный российский филолог и эпиграфист Василий Васильевич **Латышев** (1855–1921) в 1887 году защитил докторскую диссертацию по древнегреческим и латинским надписям, найденным в Северном Причерноморье, и в 1893 году напечатал первый выпуск «Известий древних авторов греческих и латинских о Скифии и Кавказе». Второй выпуск вышел в 1896, а всё издание завершено в 1906 году. Фактически это был сборник древнегреческих легенд и мифов, связанных с крымской тематикой.

Выдающийся российский востоковед, этнограф, археолог Василий Васильевич **Радлов** (18371-1918) был одним из основателей сравнительно-исторического изучения тюркских языков и народов. В 1886 году он посетил Крым с целью изучения языка крымских татар, по итогам этого путешествия в 1896 был издана седьмая часть десятитомного издания «Образцы народной литературы северных тюркских племен» (1866-1907) – «Наречия Крымского полуострова» [Радлов 1896], в которой в первом отделе, посвященном народной словесности крымских татар и ногайцев [Радлов 1896, с. 1-237] было представлено 103 образца фольклора. Среди них самой обширной категорией были «Сказки, легенды и предания» в количестве 69 образцов, а также богатырские сказания, исторические и лирические песни, пословицы, добροпожелания. Пробы были взяты из пяти крымских уездов: Симферопольского, Ялтинского, Феодосийского,